УДК 882-3Гоголь.06

DOI: 10.21779/2542-0313-2016-31-3-87-93

К.К. Джафарова

Провинция и провинциалы в произведениях Гоголя 30-х годов

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; zanita_kam@mail.ru

Целью данного исследования было рассмотрение концепта провинции в творчестве Н.В. Гоголя 30-х гг., т. к. именно в этот период жизни и творчества данный вопрос был для писателя особенно актуален. В произведениях Н.В. Гоголя художественному освоению и осмыслению подвергаются разные аспекты значения «провинциального». В статье исследуется достаточно широкий спектр семантики провинции и провинциального в творчестве Гоголя 30-х годов. Для писателя тема провинции и провинциала – своя, родная во всех отношениях. Она проходит через все творения писателя: от первого «Ганца Кюхельгартена» до последнего «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Антитеза малого провинциального мира и большого в «Ганце Кюхельгартене» выглядит как частная форма общего (и главного) конфликта в романтизме и в творчестве Гоголя. Речь идет о вечном противостоянии идеального и материального, мечты и «сущности», но гоголевский подход к данной проблеме отличается разноплановостью. В поэме свойственная романтикам оторванность от «сущности» подвергается серьезной проверке, а отношение к реальному пространству становится критерием оценки этой духовной состоятельности.

В «Вечерах» провинциальный хронотоп обрастает еще и этнографическими мотивами. В сборнике есть целостный пространственный образ условной Диканьки, сформированный во многом за счет постоянно ощущаемой границы «по ту и эту сторону от Диканьки». А сборник «Миргород» является своеобразным переходом от «Вечеров» к петербургским повестям, система хронотопов цикла иллюстрирует принципиальную значимость пространственных характеристик и образов в художественной и мировоззренческой эволюции Гоголя. Оценка провинции и столицы, деревни и города в этом цикле еще более усложняется по сравнению с первым сборником.

Художественное пространство в произведениях Н.В. Гоголя выполняет функции особого художественного языка, за пространственными названиями и характеристиками, помимо их прямого значения, скрываются многие другие – жанровые, морально-психологические, религиозные, социально-исторические. По мнению автора статьи, гоголевская оппозиция провинциального и столичного, сформировавшись в системе координат романтизма, с самого начала была лишена однозначности и впоследствии постоянно усложнялась дополнительными смыслами.

Ключевые слова: *пространство, семантика, хронотоп, образ, оппозиция, поэтика.*

UDC 882-3Гоголь.06

DOI: 10.21779/2542-0313- 2016-31-3-87-93

Province and provincials in Gogol's works of the thirties

K.K. Dzhaifarova

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, Gadzhiev st., 43a; zanita_kam@mail.ru

The aim of this study was to examine the concept of the province in N. I. Gogol's works of the 30s, as it was the period of his life and creativity when this problem was extremely important for the writer. In N. V. Gogol's works different aspects of value "provincial" are exposed to art development and judgment. This article examines a fairly wide range of semantics of the province and the provincial in Gogol's works of the 30s. For the writer the theme of the province and the provincial is close in all respects, it runs through all the works of the writer, from the first – "Ganz Kuchelgarten" – to the last "the Selected places from correspondence with friends".

The antithesis of the small and the big provincial world in "Ganz Kyukhelgarten" looks as a private form of the general (and the main) conflict in romanticism and in Gogol's creativity. It is about the eternal opposition between ideal and material, a dream and "importance", but Gogol's approach to this problem differs in diversity. The isolation from "the materiality" peculiar to the romantics undergoes serious examination in the poem, and the relation to real space becomes the criterion for evaluation of this spiritual state.

In "Evenings" the provincial chronotope acquires also ethnographic motives. The collection contains a complete spatial image of so-called Dykan'ka created of the constantly felt border "on this and that side of Dykan'ka". The "Myrgorod" collection is a peculiar transition from "Evenings" to the St. Petersburg stories, the system of chronotopes illustrates the basic importance of spatial characteristics and images in Gogol's artistic and world outlook evolution. The assessment of the province and capital, village and city in this cycle becomes even more complicated in comparison with the first collection.

The artistic space in Nikolay Gogol's works performs functions of special artistic language, spatial names and characteristics besides their direct sense have many others – the genre, moral and psychological, religious, sociohistorical senses. According to the author of the article, Gogol's opposition of provincial and capital, formed in the system of the romanticism, has been deprived from the very beginning of unambiguity and became complicated with additional meanings.

Keywords: *space, semantics, chronotope, image, opposition, poetics.*

Слово *провинция* в современных словарях имеет два основных значения. Первое – прямое, фактическое – единица административно-территориального деления. В России термин появился в конце XVII – начале XVIII в., и уже в словаре В.И. Даля есть его определение: «ж. франц. губерния, область, округ; уезд. Жить в провинции, не в столице, в губернии, уезде. При Петре у нас были провинции, уезды» [1]. Характеристика «провинциала (-лки)» дана сходным образом: как живущего «не в столице жителя губернии, уезда, *захолустья*». Таким образом, оппозиция «столичное – провинциальное» задана уже исходной семантикой слова.

Второе значение, нагруженное дополнительными смыслами, причем оценочными, появляется довольно быстро. О том, насколько оно оценочно, можно судить, сравнивая современные толкования слов «провинция», «провинциал» и «провинциалка» в двух словарях. В словаре Т.Ф. Ефремовой указано, что слово «провинция» употребляется в том числе и «как символ косности, отсталости» [2, с. 1912]. Кроме того, приведен целый ряд производных однокоренных слов с характерными дополнительными смыслами (например, провинциализм означает «манеры, привычки, вкусы и т. п., свойственные провинциалу, принятые в провинции», провинциальный и провинциально – как «свойственный провинции, провинциалу, как характерное для них» [2, с. 1911–1912]. Тем самым подразумевается, что обитатели провинции обладают некими специфическими качествами или свойствами.

В русском семантическом словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой провинция – это или «административно-территориальная единица» [3, т. 2, с. 15], или «местность,

территория страны, удаленная от крупных центров» [3, т. 2, с. 10]. Провинциал же – это не только «житель провинции, места, удаленного от крупного центра» [3, т. 1, с. 73], но и «человек провинциальных нравов, несколько наивный и простоватый» [3, т. 1, с. 97]. Причем данное понятие в этом словаре помещено в разделе «Смирение, скромность, простота, наивность». Очевидно, что с принадлежностью к провинциальной жизни в русской культуре связывается определенный и в то же время неоднозначный комплекс значений.

Нам представляется, что в произведениях Н.В. Гоголя весь спектр осмысления «провинциального» подвергается художественному освоению и осмыслению. Для писателя тема провинции и провинциала – своя, родная во всех отношениях. Она проходит через все творения писателя: от первого – «Ганца Кюхельгартена» до последнего – «Выбранных мест из переписки с друзьями». самого Гоголя можно назвать дважды провинциалом: он не просто вырос вдалеке от столицы, в глубинке, а в национальной глубинке. В рамках данной работы мы ограничимся рассмотрением темы провинции в ранних произведениях Гоголя, тем более что именно в этот период жизни и творчества данный вопрос был для писателя особенно актуален.

Художественный концепт провинции в русской литературе начал активно разрабатываться литературой сентиментализма. Его наследовали романтики, ориентированные на маргинальные пространства, свои и чужие, в отличие от классицизма с его установкой на централизованную государственность и поэтому – «столичность» при общей тенденции к абстрактности, вневременной и внепространственной. Оппозиция провинции и столицы в ранних текстах Гоголя развивается в системе координат романтизма, она спаяна с его другими излюбленными антитезами: идеальное – материальное, мечта – «сущность», прошлое – настоящее, национальное – безликое, город – село. И в предисловии Рудого Панька, и в авторских лирических комментариях в «Старосветских помещиках» еще чувствуется романтическая запальчивость в противопоставлении захолустья столице.

Несмотря на все несовершенства, на ученический характер «Ганца Кюхельгартена», в этой идиллии, как в зародыше, заключено очень многое из будущих гоголевских шедевров, в т. ч. тема провинциального, узкого мирка, данного в противопоставлении миру большому. Основная сюжетная линия отсылает одновременно и к библейской притче о блудном сыне, и к сентиментально-романтическому дискурсу. В духе романтизма за географическими названиями (Греция, Кандагар) здесь скрыты указания на непространственные понятия. И Германия – это не только страна, откуда родом персонажи и где происходит действие. Она должна вызывать ассоциации с немецким романтизмом и опосредованно, через комплекс романтических переживаний главного героя, и прямо – в финале, там, где автор воспевает Германию – «страну высоких помышлений, воздушных призраков страну» [4, с. 100].

Мир деревни Люненсдорф являет собой образец идиллического топоса. И в дальнейшем творчестве Гоголя провинциальность так или иначе будет связана с этим жанром – в «Вечерах», в «Миргороде» и даже в петербургских повестях [5]. С провинциальным идиллическим хронотопом в «Ганце Кюхельгартене» резко контрастируют хронотопы Греции, Афин. Конкретика топографических обозначений в поэме-идиллии обманчива, они несут в себе скорее символическое содержание. Гоголевское пространство, как отмечал Ю.М. Лотман, «моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические и т. п. <...> В художественной модели мира пространство подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отно-

пений в моделирующей структуре мира» [6, с. 252]. Данное высказывание Лотмана в общем развивает идеи Н.П. Анциферова о «переключении в символические образы» пространств «глубоких исторических процессов» [7, с. 16].

Антитеза малого провинциального мира и большого в «Ганце Кюхельгартене» выглядит как частная форма общего (и главного) конфликта в романтизме и в творчестве Гоголя. Речь идет о вечном противостоянии идеального и материального, мечты и «существенности», но гоголевский подход к данной проблеме отличается разноплановостью. Надлом в герое происходит в тот момент, когда он, наконец, посещает Грецию, которая представлялась его воображению как некий идеальный локус. Расхождение между увиденным и воображаемым пространствами отражает мировоззренческую коллизию, и это подчеркнуто способами обрисовки разных хронотопов. Греция описана очень бегло, и это особенно заметно в сравнении с очень подробными картинами родного Ганцу провинциального немецкого мира, данного в конкретных, зрительных и пластичных, почти осязаемых элементах и деталях: забор, кот, почерневшая труба, халат, колпак, белье под солнцем, индейки, каша с рисом, черешневый чубук, фарфоровая утка, кофе, как янтарь, золотой хлеб, коричневые вафли и т. д. А мир, чаемый и теперь, наконец, увиденный, представлен следующим образом: «Облокотясь на мрамор холодный, напрасно путник алчет жадный В душе былое воскресить, Напрасно силится развить Протекших дел истлевший свиток, – Ничтожен труд бессильных попыток; Везде читает смутный взор, И разрушение и позор» [4, с. 89]. Из конкретики здесь – лишь «мрамор холодный». Разница очевидна. Провинциальное идиллическое пространство дано в своих реальных проявлениях словно для того, чтобы подчеркнуть: оно есть, оно существует. Греция – только сквозь призму ощущений героя, а в них доминирует чувство бессилия (слово «напрасно» – два раза плюс «бессильные попытки»), созвучное разрушению в пространстве. И этот стык отражает выдуманную «ненастоящность», зыбкость этого мира. Оппозиция материальности, вещественности, с одной стороны, и мечты, идеала – с другой – выражена и при помощи хронотопической образности.

Помимо осмысления расхождения между воображаемым и реальным пространством в поэме есть другой аспект: возможность разного восприятия одного и того же пространства не просто осознана, ею буквально пропитана повествовательная ткань произведения (например, деревню Люненсдорф автор называет «милый уголок», а Ганц – «угол тесный»). Благодаря этой субъективности пространственные образы становятся в этой «идиллии в картинах» (подчеркнуто нами. – К. Д.) особым языком, раскрывающим внутренний мир того, кто воспринимает это пространство (см. [8, 9, 10]), и его взаимоотношения с действительным миром. В поэме свойственная романтикам оторванность от «существенности» подвергается серьезной проверке, а отношение к реальному пространству становится критерием оценки этой духовной состоятельности.

Большой мир в «Ганце Кюхельгартене» не изображен. Этот художественный прием через отсутствие, через «минус-пространство» повторится затем у Гоголя не раз. В сборнике «Арабески», в художественных повестях, именно в тех, которые потом будут называться петербургскими, привычного изображения внешнего облика Петербурга нет. Этот факт приобретает особый смысл в контексте именно «Арабесок», куда автор включил статью «Об архитектуре». Помимо того, что хорошо известно, насколько Гоголь был чуток к красоте вообще, содержание данной статьи свидетельствует о его глубоко интересе к архитектуре, и что примечательно в первую очередь к архитектуре города. Он даже рисует собственный макет идеального города. И поэтому игнорирование замечательной архитектуры Петербурга, красот города не может быть случайно-

стью – это декларация особой социально-нравственной позиции и особый способ построения пространства.

Если и есть изображения Петербурга в художественных текстах Гоголя, то они даны тем же способом, что и упомянутая выше картина Греции в «Ганце Кюхельгартене»: город предстает не в своем архитектурном виде, а скорее, как комплекс впечатлений повествователя и героев не в прямой проекции, а в отраженном виде сквозь зрение персонажей. И недаром так схожи сюрреалистические видения Петербурга в «Невском проспекте» и в «Ночи перед Рождеством». Петербург – это волшебносказочный, сумасшедший город и для деревенского кузнеца, и для повествователя. В обеих повестях облик столицы увиден отстраненно через восприятие провинциалов, чужаков в этом городе.

В «Вечерах» провинциальный хронотоп обрывает еще и этнографическими мотивами. В сборнике есть целостный пространственный образ условной Диканьки, сформированный во многом за счет постоянно ощущаемой границы «по ту и эту сторону от Диканьки». Провинциальное выделено сразу в предисловиях пасичника и вдобавок подчеркнуто интонацией как бы уязвленного провинциала: у нас все не так, как у вас там, в столицах; оно в этом сборнике почти равно естественному, национальному, деревенскому. Само место действия – Малороссия – в начале XIX века осмыслялось «в плане предромантических оппозиций <...> под знаком патриархальной идилличности, безыскусности, цельности. «Сокращенным Эдемом» представала и вся Малороссия в целом» [11, с. 340]. Хотя в этом Эдеме уже есть усложнение образов провинции и провинциала – в повести о Шпоньке, главный герой которой заключает в себе обе ипостаси провинциального человека и провинциальности: он неразвитый и неразвивающийся человек и в то же время кроток, наивен по-своему, робок.

Мир «Вечеров» воспринимается в целом как идиллический и противопоставленный Петербургу. Яркий образ столицы возникает в повести «Ночь перед Рождеством», предвосхищая петербургские зарисовки «Невского проспекта». Гоголь, несомненно, является одним из первых и лучших урбанистов в русской литературе, он сумел передать «душу города» (Н.П. Анциферов), не впадая в пространственные описания. Столица предстает глазами изумленного деревенского парня, ночная и безумная. А приносит его туда черт в буквальном смысле, реализуя метафору известного фразеологизма. И во всем дальнейшем творчестве Гоголя все-таки преобладает ощущение города, особенно столичного, как чужого, вымороченного, диковинного и миражного («все обман!») пространства.

Сборник «Миргород» является своеобразным переходом от «Вечеров» к петербургским повестям. Система хронотопов цикла иллюстрирует принципиальную значимость пространственных характеристик и образов в художественной и мировоззренческой эволюции Гоголя. Оценка провинции и столицы, деревни и города в этом цикле еще более усложняется по сравнению с первым сборником. Уже название и эпиграфы ориентируют читателя в пространственном направлении. Топоним «Миргород» удивительным образом обозначает одновременно и конкретный географический объект, город и благодаря своему морфемному составу неизбежно тяготеет к дополнительным символическим толкованиям. Провинциальное, захолустное показано и осмыслено амбивалентно. Яркий случай выраженности противопоставления провинциального и столичного – это повесть, с которой сборник начинается. В «Старосветских помещиках» провинциальное и провинциализм (как удаленное не только от политических и экономических центров, но и от культуры) налицо в самом крайнем значении: автор изобра-

жают «скромный уголок», куда не долетали «никакие страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир», и героев, вроде бы являющих собой иллюстрацию к словарной статье словаря Т.Ф. Ефремовой, – косных и отсталых. Но при всем богатстве стилистической и оценочной палитры этой повести старосветский мир здесь воспет, поэтизирован и оправдан [12], в том числе через оппозицию столичному: в самом начале повести в прямых авторских высказываниях. И в конце – косвенно – в язвительном осмеянии объявившегося наследника, носителя новомодных идей, якобы научных и прогрессивных, но на деле бесплодных и даже губительных. Совсем иной лик провинции и провинциалов предстает в финальной повести «Миргорода». Таким образом, знаковость пространства у Гоголя не превращается в заранее заданную схему. Топосы Товстогузов и двух Иванов очень схожи между собой даже в деталях, а разница между героями и в отношении к ним очевидная, даже кричащая.

Все понимают, что Миргород – это далеко не экономический или культурный центр Российской империи, но Гоголь подчеркивает в эпитафии: «нарочито невеликий город», еще раз выделяя провинциальность города. Второй эпитафия, где автор, знакомя читателей с этим городом, в числе главных его достопримечательностей называет «бублики из черного теста», звучит уже издевательски. Провинциальность заглавного города удвоена, и тем самым акцентировано значение темы. Потом будет парадокс, о котором неоднократно писали, в сборнике «Миргород» Миргорода практически нет. Этот факт тоже призывает нас обратить более пристальное внимание к этому городу.

Согласно историческим документам и исследованиям [13, с. 429–430] город возник еще в XVI веке и пережил очень драматические события в ходе русско-польской войны 1632–1634 годов, борьбы Украины за независимость. Осенью 1633 года острог Миргород сначала взяли русские войска, но затем по Полянскому миру 1634 года эти земли отошли Речи Посполитой. Миргородский казачий полк в 1637 г. принял участие в восстании Павлюка, а затем в 1638 г. поддержал Я. Острянина. После поражения этого восстания полк был расформирован, а город до 1648 г. находился во владении польских магнатов Вишневецких. Когда началось восстание Хмельницкого в 1648 г., городу был возвращен статус полкового города воссозданного Миргородского полка. В 1654 г. он вошел в состав России. Но еще в 1666 г. город несколько раз осаждали войска правобережного гетмана П. Дорошенко. К XVIII в. Миргород превратился в торгово-ремесленный центр, в котором регулярно проводились ярмарки.

Невозможно, чтобы Гоголь не знал этой богатой истории города. И здесь мы вновь встречаемся с приемом «минуса», нарочитого игнорирования: город, у которого такая интересная и драматичная история, в современности – захолустье, главные его достопримечательности – бублики и лужа, выдающиеся жители – два Ивана, а заметные события – их ссора. И современный эпос этого города – это повествование о непрекращающейся тягбе соседей. Подобное совмещение двух ликов города, прошлого и нынешнего, явного и подразумеваемого, созвучно общей идее сборника о разрыве между прошлым и настоящим, между возможностями человека и их реализацией.

В петербургских повестях на первый взгляд провинциальное пространство отсутствует. Но оно есть, оно перемещено в глубь текста. Во-первых, Гоголь вслед за Пушкиным показал, что и в рамках Петербурга есть свое захолустье – та же Коломна. Во-вторых, все герои петербургских повестей – это, по большому счету, провинциалы в столице. Именно поэтому провинциальное возникает здесь в форме идеальных устремлений героев: в снах Пискарева, в финале «Записок сумасшедшего» как изба Поприщина.

Поэтика Гоголя такова, что какие-то ее элементы (мотивы, типажи, топосы и т. д.) повторяются в разных произведениях, но каждый раз в трансформированном виде, по-

этому в художественном мире писателя нет универсальной системы знаков. Только вроде бы сформируется некая система конвенций, как сам автор ее опровергает. Гоголь часто предупреждал о недопустимости односторонности, и в своем творчестве идет по пути постоянного преодоления своих собственных «любимых мыслей», готовых решений, он словно спорит с собой, опровергает свои прежние тезисы и вообще окончательное знание.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=7mkG4Mtsl3sC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
2. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/search/?cx=partner-pub->.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. РАН. Ин-т русского языка / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой: в 2 т. – М.: Азбуковник, 2002.
4. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. – Т. 1. – М.: Изд. АН СССР, 1940.
5. *Джафарова К.К.* О соотношении жанрового и исторического мышления Н.В. Гоголя // Материалы 13 Гоголевских чтений "Творчество Н.В. Гоголя и русская общественная мысль", 31 марта, 3 апреля 2013 г. Москва: "Дом Н.В. Гоголя" / под ред. Викуловой В.П. – М., 2013. – С. 94–100.
6. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251–292.
7. *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2009.
8. *Ковалева Т.М.* Категория идеального читателя в повестях Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2012.
9. *Шатин Ю.В.* Граница текста как семиотическая категория // Вестник НГУ. – 2011. – Т. 10, вып. 6: Журналистика. – С. 93–98.
10. *Тюпа В.И.* Нарратив и другие регистры говорения // Журнал Narratorium: междисциплинарный журнал. – 2011. – № 1–2. Весна-осень. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584>.
11. *Манн Ю.В.* Русская литература XIX века. Эпоха Романтизма. – М.: Аспект Пресс, 2001.
12. *Джафарова К.К.* Формы жанрового диалога в сборнике Н.В. Гоголя «Миргород» // Вестник Дагестанского научного центра. – 2013. – № 51. – С. 155–160.
13. Большая Российская энциклопедия / редкол., гл. ред. Ю.С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2012. – Т. 20.

Поступила в редакцию 2 сентября 2016 г.

Received 2 September, 2016